

Х. ЧТО ГОВОРЯТ ПАМЯТНИКИ И НАДПИСИ О ВОЗВЫШЕНИИ АККАДА.

Времена Саргона и Нарамсина.

"Я, Саргон, царь могучий, царь Аккада», так называет он сам себя в одной из глиняных «книг» библиотеки Ашурбанипала.

«Я, Саргон, царь великий, царь Аккада.
Мать моя — жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,
Град мой — Асупирану, что лежит на берегу Евфрата.
Понесла меня мать моя, родила меня втайне,
В тростниковый ящик положила, вход мой смолою за-
крыла,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Понесла река, принесла меня к Акки, водолею.
Акки, водолей, багром меня поднял,
Акки, водолей воспитал меня, как сына,
Акки, водолей, меня садовником сделал.
Когда был я садовником — Иштар меня полюбила,
И пятьдесят пять лет я был на царстве.
Людьми черноголовыми я владел и правил,
Могучие горы топорами медными сравнял я,
Я поднимался на высокие горы,
Преодолевал я низкие горы,
Трижды осаждал страну Морскую...»

Такова легенда о рождении и воспитании Саргона.

Странное впечатление производит она, когда читаешь ее первый раз. Все кажется, что где-то уже слышал такую же историю. Вот, может быть в одной народной сказке, где рассказывается как мельник у самой мельницы нашел корзинку, а в ней спящего ребенка. Мельник берет найденыша на воспитание, и, после многих приключений, найденыш делается царем той страны. Древние персы рассказывали

такую же чудесную историю о Кире, выброшенном по повелению его деда, индийского царя, воспитанном пастухами и ставшим затем царем в Мидии и Персии. У греков было предание о царе Эдиле, тоже найденном и воспитанном пастухами. А, вспомним римское сказание о близнецах Ромуле и Реме, брошенных матерью в корзину в реку Тибр, вскормленных волчицей и ставших основателями Рима!

Но это все предания европейских народов, — вернемся опять на древний Восток. Разве там не рассказывали древние евреи совершенно такой же истории о Моисее, выброшенном в просмоленной корзине в Нил, найденном и воспитанном дочерью фараона?

Откуда взялись все эти рассказы? Где их корни? Заглянем опять в наши глиняные таблетки. Вот опять перед нами один из многих мифов о Таммузе, боге весны, боге хлебного колоса, о котором у нас раньше уже была речь. Мать Таммуза, совершенно так же, как мать Саргона, кладет новорожденного бога зерна в корзину и бросает его в реку. Ничего больше не знаем мы о дальнейшей судьбе младенца Таммуза, потому что надпись попорчена, но ведь и сохранившегося довольно.

Почему надо было матери Таммуза, богине земли, бросать новорожденного сына в воду? Да потому, что без воды зерно не прорастет и колоса не даст. Все помыслы, все мечты народа земледельца заняты одним — земледелием, орошением, без которого никакое земледелие невозможно. И, рассказывая о своих героях, о людях, сделавших многое в истории страны, человек иногда невольно переносит на них черты древних мифов. Так возникают сказания, а как долго и прочно живут иногда эти сказания, как далеко они иногда передаются, мы уже видели, когда говорили о найденыше мельника, ставшем царем.

А рассказ о Саргоне, царе Аккада, мы даже не можем назвать сказкой, потому что многое из того, о чем здесь говорится, подтверждается другими надписями, подтверждается вещественными памятниками.

Саргон говорит, что брат его отца «живет в горах», что он горец. Значит и отец Саргона не был жителем равнин, не был шумерийцем. А ведь мы уже говорили раньше, что в Аккаде говорили на семитическом языке, а не на языке шумерийцев, хотя и писали такими же письменами, как в Шумере. На семитическом языке, близко родственном аккадскому, говорили амореи, народ, живший в Сирии и

в части современной Палестины, т. е. в гористой стране по восточному берегу Средиземного моря. Плодородны долины в этих горах, много дичи водится в них, но могут ли они прокормить большое население? Конечно нет. А Евфрат, поворачивая от гор Тавра излучиной на юго-восток, подходит так близко к этим долинам, так обильны рыбой его воды, такие цветистые пастбища расстилаются по его берегам весной, что амореи, — амурру, как их называли в Двуречи, — постоянно переходили из своих долин на берега Евфрата и обратно, постепенно становясь оседлыми. Недавно ученые нашли и разобрали древнюю надпись, описывающую живо этот момент перехода горцев-семитов к оседлости:

Статуя шумерийца. (Гудеа в юности.)

«Для горца оружие — его товарищ...
Не знает он подчинения.
Он ест невареное мясо.
На протяжении всей своей жизни он не владеет домом;
Своего мертвого товарища он не погребает.
Теперь же Марту³⁹ имеет дом,
К дому своему возвращается.
Теперь Марту имеет зерно.
О, Нинаб⁴⁰, расти обильно!»

«Для горца оружие — его товарищ...
варищ...»

Не знает он подчинения.

Он ест невареное мясо.

На протяжении всей своей жизни он не владеет домом;
Своего мертвого товарища он не погребает.

Теперь же Марту³⁹ имеет дом,
К дому своему возвращается.

Теперь Марту имеет зерно.

О, Нинаб⁴⁰, расти обильно!»

Смелые и предприимчивые охотники, семиты-аккадяне любили охотиться на львов, не крупных в Двуречье, но хищных и свирепых. И охотились, выходя на них вдвоем: к дереву привязывали живую приманку — вола, а когда лев бросался на добычу, его один охотник встречал копьем, а другой, схватив за хвост, убивал топором или тяжелым молотом.

И по внешности семиты отличались от шумерийцев с их широкими бритыми лицами. Они привыкли к дальним переходам, они не боялись ни безводных пространств Сирийской пустыни, ни опасных троп по горам и каменистым обрывам.

Цари Ура, Лагаша, Шуруппака, Урука и других городов Шумера посылали своих доверенных, своих «дамкаров» в дальние страны добывать для них медь, золото и сере-

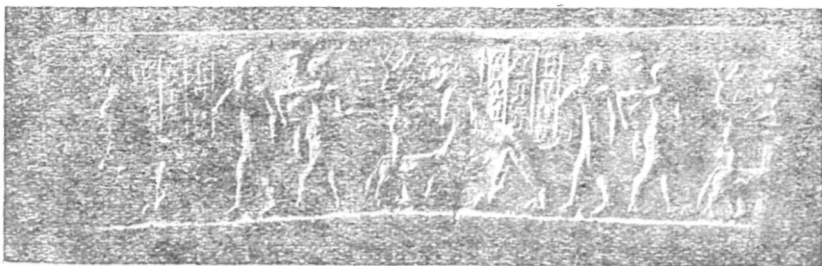
бро, камень и дерево. Эти материалы нужны и Саргону. Но, сколько трудностей приходилось дамкарам, гонцам шумерийских храмов и князей, преодолевать в дороге, сколько подарков приходилось делать князьям тех городов, через которые они проходили, чтобы их не задержали в дороге, чтобы разрешили провести ценный груз по каналам этих чужих городов. Много ли можно было привезти из таких поездок? Не лучше ли захватить в свои руки все пути, подчинить себе непокорные города и без задержек в препятствий привозить к себе все то, чего не хватало в Двуречье?

Саргон начинает с самого трудного, с завоевания Шумера. Вот он появляется неожиданно под стенами Урука, где засел Лугальзаггиси. Хорошо укреплен старый город, но войско Саргона внезапным приступом

Голова алебастровой статуи семита из Адаба.

берет крепость и захватывает самого Лугальзаггиси. В оковах отправляет Саргон своего пленника в Аккад, а в Уруке приказывает разрушить укрепления. Вот он берет Лагаш,

Охота на льва с помощью живой приманки. Отпечаток цилиндра-печати некоего Даннили.

Умму; князь Ура пробует сопротивляться, выходит с войском навстречу врагу, — разбит и он, и Саргон приказыва-

вает скрыть и здесь укрепления. До самого Персидского залива дошел он, и здесь, в знак окончания покорения Шумера, он омыл свое оружие в морских волнах.

Подчинив себе южное Двуречье, Саргон требовал только, чтобы города Шумера несли повинности, наложенные на них, чтобы они признавали его главенство, а в жизнь их он не вмешивался.

Вернувшись в родной Аккад, Саргон потребовал, чтобы города Шумера прислали ему свои суда. И потянулись к нему корабли из Ура и Эриду, стоявшего при море, с островов Персидского залива, куда заплывали суда шумерийцев, даже с далекого побережья Аравии. По Евфрату, а там, где обмелевшая река не давала пройти, по каналам, флотилия добралась до набережной Аккада. Саргон задумал новый поход, вверх по Евфрату, а потом на запад, к берегам Средиземного моря.

«Дал мне бог Верхнюю Страну, — говорит он в одной из своих надписей, — Мари и всю область до Кедрового леса и до Серебряных гор». До Ливана и до Тавра расширил он границы своего огромного государства, объединил не одни враждующие города Шумера, но всю страну по течению Евфрата; серебро и кедровое дерево теперь не надо больше выменивать, он получает их как дань от подвластных ему стран запада. Его предприимчивые «дамкары» перебрались даже за горы Тавра, туда, где в Малой Азии протекает река Галис. Здесь, в Малой Азии, есть железо, редкий металл, которого еще не знали шумерийцы, здесь жители разводят коней, которых нет в Двуречье, здешние мастера так умеют выделывать и красить кожу, как во всем Шумере ни одна мастерская не сделает. И дамкары Саргона заводят деятельный обмен. Ничего не знали бы мы об этом поселении, об этой торговой колонии в самом сердце Малой Азии, если бы Нур-Даган, местный царь, не вздумал притеснять дамкаров Саргона, и если бы они не прислали ему письма с просьбой защитить их.

Мы не знаем подробностей похода Саргона в Малую Азию, — энергичный сын горца не испугался дальнего пути и пошел сам через горы Тавра на помощь своей колонии. Путешественники, побывавшие там, где проходили некогда и его войска, говорят единогласно о замечательной красоте горных ущелий, по которым несутся быстрые, студёные реки, о снеговых вершинах, о цветистых лугах и горных пастбищах «Серебряных гор». Повторяем еще раз, подробностей

похода мы не знаем, но мы знаем, что Саргон из гор Тавра вывез в Аккад виноградную лозу, два сорта смоковницы, дающей сладкие винные ягоды, кусты роз и много еще разных растений, которых не знали в Аккаде, и которые он насадил здесь. Недаром в народе, рассказывая о нем, его называли «садовником».